

Перцов Петр Петрович

**Венеция и венецианская
живопись**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Петрович П.**
Венеция и венецианская живопись / Перцов Петр Петрович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 156 с.

ISBN 978-5-521-27802-2

ISBN 978-5-521-27802-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

и ея тайнахъ, о возможности легко и свободно устранить лишняго человѣка подъ покровомъ ночной темноты въ этой темной лодкѣ, затерянной среди безконечныхъ каналовъ.

Первое впечатлѣніе отъ Венеціи не въ ея пользу. Это впечатлѣніе не разсѣивается и на другой день, въ лучахъ солнца, въ ясной, блѣдно-голубой атмосферѣ весны и моря. Это впечатлѣніе покинутаго, нежилого дома. Чѣмъ бы этотъ домъ ни манилъ къ себѣ,—первый взглядъ на него будетъ всегда невольной вспышкой отчужденности, почти враждебности. Это непріязнь всего живого ко всему мертвому. Переступая порогъ, нужно перешагнуть и черезъ это впечатлѣніе, чтобы встрѣтиться съ другими—тамъ, внутри.

Венеція—именно огромный, заброшенный домъ, безъ хозяина. Его теперешніе жильцы не болѣе какъ случайные пришельцы, которыхъ не замѣчаешь, глядя на него, и забываешь, думая о немъ. Не только населеніе города уменьшилось почти на четверть со временъ послѣднихъ дней республики, не только проиграло оно безконечно въ богатствѣ и значеніи, но—что главное—оно стало другимъ. Въ самомъ дѣлѣ, переберите по деталямъ свою «врожденную идею» о венеціанской республикѣ: дождь, прокураторы св. Марка, совѣтъ Десяти, свинцовыя тюрьмы, обрученіе съ моремъ... Какой стариной вѣетъ отъ всего этого, какимъ

анахронизмомъ являются эти тѣни въ нашу эпоху благополучнаго царствованія все-итальянскаго короля Витторіо-Эммануэля III, неблагополучной возни съ Африкой, министерскихъ кризисовъ и тройственного союза! Такой же анахронизмъ представляетъ и обстановка, которая когда-то окружала эти призраки и которую вы теперь видите вокругъ себя.

Въ самомъ дѣлѣ, Венеція состарѣлась не по лѣтамъ: недавно еще (1897 г.) исполнился первый столѣтній юбилей ея смерти. Всего сто лѣтъ назадъ все это было дѣйствительностью: и дождь, и «пломбы», и страшный совѣтъ, и обручальное кольцо моря. Сравнительно съ этими воспоминаніями, вѣкъ нашей Екатерины кажется вчерашнимъ днемъ, а между тѣмъ онъ совпадаетъ съ послѣдними годами республики.

Пьяцца.

Едва пріѣхавъ въ городъ, гдѣ бы путешественникъ ни остановился, онъ идетъ на Пьяццу (площадь св. Марка), какъ, войдя въ домъ, попадаешь прежде всего въ пріемныя комнаты.

Piazza di San Marco и есть пріемная зала венеціанской республики. Конечно, другой такой площади не существуетъ въ мірѣ. Мраморный полъ; три мраморныхъ дворца вмѣсто трехъ стѣнъ; вмѣсто четвертой—та смѣсь мрамора, гранита, яшмы, порфира, бронзы, мозаики,

скульптуры, рѣзбы, которая называется соборомъ св. Марка. Если нѣтъ потолка, то только потому, что одно небо достойно служить потолкомъ этой залы.

Въ ней много посѣтителей. Народъ непрерывно снуетъ изъ одного конца въ другой, толпится въ колоннадахъ боковыхъ дворцовъ (Прокурацій). Здѣсь всѣ главные магазины и самыя бойкія кафе. Здѣсь продаются газеты, цвѣты, фотографіи, спички—все, что угодно. Посреди площади играетъ оркестръ. Сюда каждый идетъ, какъ въ гости, и здѣсь демонстрируются туалеты дамъ. Однимъ словомъ—это пріемная зала.

Такая площадь возможна, конечно, только въ городѣ, гдѣ нѣтъ лошадей, и слѣдовательно ихъ грязи и шума. Въ Венеціи (если не считать Лидо) лошади имѣются только бронзовыя на соборѣ св. Марка.

Зато по всей Пьяццѣ шумятъ и мелькаютъ голуби—тоже св. Марка. Эти голуби—не простыя птицы: они обитаютъ на площади изъ поколѣнія въ поколѣніе уже нѣсколько столѣтій. Это—«мѣстная» птица, какъ медвѣди въ Бернѣ—«мѣстныя» животныя. Во времена республики прокормленіе этихъ голубей составляло одну изъ обязанностей правительства. Ежегодно въ государственную смѣту вносилась извѣстная ассигновка на этотъ предметъ. Теперь эту заботу приняли на себя туристы, и во всякое время

можно видѣть на площади толпу иностранцевъ и особенно иностранокъ со свертками бумаги, наполненными зерномъ, а вокругъ нихъ—шумъ, сборъ и волненіе птичьей стаи.

Венеція сверху.

«Общій взглядъ» на Венецію лучше всего бросить съ колокольни св. Марка *). Она стоитъ на углу Пьяццы и Пьяцетты, высокая и голая, словно маякъ. Она и была когда-то своеобразнымъ маякомъ морской столицы, потому что ее, какъ акрополійскую Аѣину, было видно далеко съ моря.

На колокольнѣ, вмѣсто лѣстницы, нахожу наклонную плоскость, безъ ступеней, широкую и удобную, но необычайно зловонную. Черезъ нѣкоторое время открываю причину этого зловонія. Оказывается, что на каждомъ поворотѣ въ стѣнѣ устроенъ резервуаръ... отнюдь не для ключевой воды. Такая архитектурная подробность на колокольнѣ, т.-е. въ зданіи все же религіознаго назначенія, удивила меня. Послѣ, когда я видѣлъ такіе же резервуары и въ стѣнѣ храма св. Петра, и на крышѣ Миланскаго собора, эта неопрятная подробность не остановила бы, конечно, моего вниманія.

*) Здѣсь рѣчь идетъ о старой Кампаниле, рухнувшей въ 1902 г. и замѣненной нынѣ вновь отстроенной, которая въ точности воспроизводитъ старую.

Но тогда она была для меня первымъ «красно-рѣчивымъ» фактомъ, къ которому послѣ прибавилось не мало другихъ, для уясненія своеобразныхъ особенностей итальянскаго благочестія.

Венеція съ колокольни открывается буквально «какъ на ладони». Она вся лежитъ внизу, однимъ сплошнымъ пятномъ. Вокругъ — предмѣстія, проливы, мели, и широкій поясъ моря. Весь городъ крытъ красной черепицей — точно огромное чешуйчатое животное выплыло изъ глубины погрѣться на весеннемъ солнцѣ съ семьей своихъ дѣтей, такихъ же чешуйчатыхъ. Но красныя пятна тонуть въ голубомъ просторѣ: воздухъ Венеціи, блѣдный и влажный, сливается съ ея блѣдно-голубымъ моремъ. Вездѣ — вода. Она охватываетъ и проникаетъ весь городъ, раздѣляя его узкими синими лентами. За домами — пески, кусты, странное безлюдіе. Только здѣсь понимаешь всю уединенность и искусственность этого города. На сѣверѣ, въ тонкой дымкѣ облаковъ, стоятъ послѣдніе отроги Альпъ — точно стѣна, отдѣляющая это водное царство отъ остальнаго міра. Тамъ и здѣсь, съ отдѣльныхъ острововъ, поднимаются купола и башни; огромные дворцы возвышаются надъ сосѣдями. По синимъ лентамъ снуютъ гондолы, по дну площади снуютъ черныя жуки вмѣсто людей. Сдержанный шумъ доносится наверхъ — земноводный городъ живетъ своей жизнью...

Въ гондолѣ.

Спускаюсь и кличу гондольера. При помощи смѣшенія языковъ французскаго съ венеціанскимъ и обоюдной мимики соглашеніе быстро устанавливается, и я уже сижу на черныхъ подушкахъ черной лодки.

Нельзя представить себѣ ничего комфортабельнѣе. Это идеальный способъ передвиженія. Лежишь на мягкихъ подушкахъ дивана, лодка тихо скользитъ, вокругъ едва слышно плещетъ вода. Ни шума, ни пыли, ни толчковъ, ни остановокъ. Гондола плыветъ и плыветъ, вода журчитъ и журчитъ... Сверху грѣетъ солнце... Иногда проносится вѣтеръ... Опускаешь руку за бортъ—теплая и тихая вода струится межъ пальцевъ... Сперва думаешь, потомъ мечтаешь, послѣ—не помнишь ничего...

Узкая полоса земли приближается навстрѣчу: это—Лидо, естественный молъ Венеціи. Выхожу на берегъ и пересѣкаю островъ, подымаюсь на пригорки, покрытые рѣдкимъ кустарникомъ, спускаюсь на отмели, гладкія и рыхлыя, усѣяныя раковинами. Вотъ и море—открытое, полное море.

Какъ тихо здѣсь! Волна едва плещетъ о берегъ; мелкая рябь бѣжитъ вдаль... И море здѣсь такое же блѣдное и прозрачное, какъ небо. Весна—на всемъ. Но это венеціанская весна: ея цвѣта не имѣютъ южной рѣзкости и сухости,

всѣ краски смягчены и затушеваны, все проникнуто вѣчнымъ испареніемъ. Морская бирюза блѣднѣетъ, приближаясь къ берегу, и незамѣтно переходитъ въ прибрежный песокъ. Вдали ее встрѣчаетъ бирюза неба, и линія горизонта теряется между ними. Чѣмъ-то юнымъ и раннимъ, еще слабымъ и хрупкимъ вѣетъ отъ всей картины. Этотъ міръ кажется призрачнымъ и мгновеннымъ—вотъ сейчасъ эти низкіе, пустые острова исчезнуть подъ гладкой пеленой, все—и небо, и море—смѣшается и сольется въ голубой хаосъ...

На обратномъ пути застигаетъ ночь. Городскіе огни мерцаютъ вдали длинными золотыми цѣлями; очерки зданій пропали... Юная, свѣжая луна свѣтитъ съ дальняго неба, но она не въ силахъ бороться съ быстро надвигающейся отовсюду темнотой. Все темно—море, воздухъ, городъ. Мимо плывутъ какія-то смутныя тѣни—острова, корабли. Иногда, какъ ночная птица, проскальзываетъ гондола, и огонекъ на ея носу блеститъ, какъ зоркій глазъ... Наконецъ что-то высокое и узкое вырастаетъ сбоку—это колокольня св. Георгія. Впереди растутъ такіе же призраки, въ которыхъ открываются мало-по-малу знакомыя впечатлѣнія—Дворецъ дождей, колонна съ крылатымъ львомъ, соборъ... Мы причалили къ Пьяцеттѣ, вмѣшавшись въ толпу гондолъ, и на набережной меня сразу охватываютъ шумъ, движеніе и ночная суeta южнаго города.

Святой Маркъ.

Я не знаю, существуетъ ли еще въ мірѣ соборъ, на который можно было бы поставить четырехъ бронзовыхъ коней безъ риска не только испортить художественное впечатлѣніе, но и профанировать зданіе. Но таковъ соборъ св. Марка. Фантастическое смѣшеніе всѣхъ настроеній и вкусовъ, всѣхъ стилей и эпохъ... Это зданіе—своего рода *unicum*, неповторяемая индивидуальность въ мірѣ церквей. Его стиль считается византійскимъ, но, мнѣ кажется, это вѣрно только до извѣстной степени: изъ массы вліяній, создававшихъ соборъ, византійское было преобладающимъ. Ему принадлежитъ общій очеркъ зданія, купола, мозаики. Но готическія башенки главнаго фасада, готическія стрѣлы, сплетенныя изъ статуй, античный лѣсъ разноцвѣтныхъ колоннъ, восточная пестрота и позолота, наконецъ широкая терраса вокругъ куполовъ—какой стиль образуетъ все это вмѣстѣ взятое, если не стиль венеціанскаго собора св. Марка, у котораго нѣтъ ни предковъ, ни подражаній?

Я знаю еще только одну такую церковь—безобразную въ своей красотѣ и красивую въ уродствѣ, невозможную и дѣйствительную,—архитектурный парадоксъ. Это—нашъ «Василій Блаженный». Сравненіе невольно приходитъ въ голову, и впечатлѣніе отъ москов-

скаго парадокса всплываетъ въ памяти, когда глазъ и умъ нѣсколько освоятся съ венеціанскимъ. Тамъ—та же пестрота и смѣсь, и то же единство въ цѣломъ, та же подражательность и оригинальность, ассимиляція христіанскаго храма и буддійской пагоды. «Василій Блаженный» былъ созданіемъ, если не одного человѣка, то во всякомъ случаѣ одной эпохи, поэтому въ его разнообразіи и своеобразіи болѣе цѣльности. Св. Маркъ еще пестрѣе, еще причудливѣе и *случайнѣе*, какъ жизнь Венеціи была пестрѣе и богаче «случайностями», чѣмъ жизнь Москвы.

Внутри первое впечатлѣніе—православной церкви: своды куполовъ наверху, впереди рѣшетка иконостаса, вокругъ со всѣхъ сторонъ глядятъ съ мозаичныхъ стѣнъ знакомыя строгія фигуры византійскихъ святыхъ. Весь соборъ покрытъ мозаикой; она сіяетъ въ изгибахъ сводовъ и въ углубленіяхъ куполовъ огромными золотыми полями и, кажется, освѣщаетъ храмъ...

Характерно это пристрастіе венеціанцевъ къ мозаикѣ. Созданіе международнаго, западно-восточнаго творчества, она, какъ нельзя лучше, отвѣчала международному складу Венеціи—этого перепутья между Европой и Азіей. Своей художественной стороною мозаика удовлетворяла требованіямъ итальянскаго глаза; элементарностью рисунка, простотою красокъ и

блескомъ золотого фона—вкусамъ далекихъ гостей Леванта. Соединяя утонченность содержанія съ сравнительной грубостью формы, она занимала своего рода середину между западными картинами и восточными коврами.

Налѣво, въ концѣ бокового крыла, виднѣется одна изъ самыхъ большихъ мозаикъ храма, весьма оригинальная по сюжету. На обычномъ золотомъ фонѣ раскинулось огромное вѣтвистое «родословное древо Мадонны». На отдѣльныхъ его вѣтвяхъ размѣщены крупныя фигуры предполагаемыхъ предковъ Дѣвы Маріи. Изъ вершины дерева подымается Она сама, а внизу, у корня, спящая фигура родоначальника. Этотъ сюжетъ—одно изъ многочисленныхъ отступленій въ область легенды и апокрифическаго творчества, обычныхъ въ итальянскомъ церковномъ искусствѣ. Южное воображеніе неохотно замыкается въ опредѣленныхъ рамкахъ, стремясь все перевести на языкъ наглядныхъ образовъ и аналогій. Въ этомъ—полная противоположность его съ абстрактною мыслью Сѣвера, изгоняющаго изъ своихъ церквей всѣ символы и конкретныя проявленія религіи. Сѣверъ—это апостоль Андрей, который вѣритъ въ Спасителя по первому свидѣтельству о Немъ, непоколебимо и ровно. Югъ—это св. Тома, который вѣритъ лишь послѣ того, какъ вложилъ персты своя въ раны Христовы, хотя тогда уже вѣритъ пылко и самозабвенно.